

Н. Г. ДУМОВА, В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ

**Уинстон Черчилль
и империалистическая интервенция
в Советскую Россию**

Интервенция — одна из самых распространенных форм борьбы империалистического мира против сил социализма, демократии и прогресса. В их успехах империалистическая буржуазия видит угрозу не только своему экономическому господству, но и самому существованию. Всеми силами она стремится помешать развитию революционного процесса, организуя экспорт контрреволюции для подавления освободительного движения трудящихся масс.

Народы нашей страны, свергнувшие в 1917 г. власть буржуазии, на собственном опыте испытали тяжесть совместного нашествия внешней и внутренней контрреволюции, осуществлявшегося в 1918–1920 гг. Активнейшее участие в борьбе против молодой Советской Республики принял английский империализм во главе с одним из его крупнейших идеологов — Уинстоном Черчиллем.

Жизнь и деятельность Черчилля в тот период отражены во многих посвященных ему работах и его собственных мемуарных произведениях. Однако наиболее полное и всестороннее освещение они получили в четвертом томе официальной биографии Черчилля. Это многотомное объемистое издание (каждый том — свыше 50 печатных листов) было начато сыном У. Черчилля — Рандольфом, а после смерти последнего продолжено английским историком Мартином Джилбертом. К настоящему времени выпущено в свет 6 томов, охватывающих период до 1941 г. В соответствии с существующей в Англии

традицией официальный биограф того или иного политического деятеля получает доступ в его личный архив, а также в архивы его сотрудников и единомышленников, закрытые для других исследователей. В материалах и документах из британских государственных и частных архивов, опубликованных в четвертом томе официальной биографии У. Черчилля, ярко раскрывается его роль в империалистической интервенции в Россию.

Авторы настоящей статьи широко использовали документы, содержащиеся в названной биографической работе М. Джилберта.

Октябрьскую революцию в России Уинстон Черчилль воспринял не только как катастрофу мирового масштаба, но и как тяжкое личное оскорбление. С полной уверенностью можно сказать: ни один из многочисленных зарубежных врагов Октября не отнесся к этому событию с такой кипящей ненавистью, с такой жаждой уничтожить, затоптать первый в мире росток победившего социализма. Подобная реакция не была случайной: ее обусловили характерные для Черчилля черты человека, политика, государственного деятеля.

По происхождению, воспитанию, образу жизни, по всем своим официальным и человеческим связям Черчилль был плоть от плоти своего класса. Чувство классовой принадлежности, вообще высоко развитое в английской буржуазно-аристократической элите, являлось основой его мировоззрения, его политического кредо, всей его жизненной позиции. Обостренное классовое чутье помогло Черчиллю оценить серьезность угрозы господству мирового капитала, которую несла с собой русская революция. Другие верили, что «анархический бунт» в далекой России прошумит и стихнет, что разлившееся море народного возмущения мало-помалу вернется в прежние берега. Черчилль не заблуждался на этот счет — он громче всех трубил об «опасности», которая «должна быть раздавлена в зародыше». Иначе будет поздно!

Главным побудительным стимулом в отношении Черчилля к Советской России был страх перед крушением всех устоев и принципов, которые представлялись ему единственно верными, необходимыми и незыблемыми. Его страшила не только перспектива революционного пожара в Европе, в родной Англии. Он предвидел (и постоянно твердил об этом), что буря в многонациональной России отзовется — не может не отозваться! — грозными раскатами в Британской империи. А от прочности,

от несокрушимости Британской империи зависело то, что было для Черчилля всего дороже, — мировое могущество Англии, ее статус великой державы.

В первые недели после Октября известия о России в английской буржуазной прессе были совершенно однотипными. «Ленин теряет контроль», уверяла авторитетная газета «Таймс». Порядок в России «в конце концов восторжествует», вторила «Дейли мейл». «Манчестер гардиан» предрекала скорое крушение Советской власти. «Обсервер» 25 ноября, объявила падение большевизма уже решенным делом. Но дни шли за днями, бежали недели, а Советская власть в России не только не рушилась, но укрепляла свое положение и предпринимала действенные меры, чтобы вывести страну из империалистической войны.

Тогда, поняв серьезность происходящих в России событий, Черчилль со свойственным ему темпераментом и энергией ринулся в бой. И со свойственной ему самоуверенностью ни на минуту не сомневался, что окажется победителем.

В своем публичном выступлении в Бедфорде 11 декабря 1917 г. Черчилль во всеуслышание возвестил: «Именно это печальное событие (Октябрьская революция. — *Н. Д., В. Т.*) затянуло войну, именно оно лишило, французскую, британскую и итальянскую армии плодов победы, которая этим летом была уже почти у них в руках. Именно это событие, и только оно одно, подвергло нас опасностям, горестям и страданиям, которых мы не заслужили, которых мы не можем избежать, но перед которыми мы не склонимся».

14 декабря английский военный кабинет принял решение предоставить любым антибольшевистским русским организациям такие денежные суммы, которые они потребуют, чтобы «продлить в Юго-Восточной России сопротивление центральным державам». Эти суммы предполагалось выплачивать до тех пор, пока получатели будут продолжать борьбу.

Свои расходы английские капиталисты рассчитывали возместить сторицей путем разного рода связанных с Россией финансовых махинаций. Об одной из них рассказал в своих воспоминаниях крупный петроградский делец В. Вонлярлярский¹. Оказывается, при его посредничестве поздней осенью 1917 г. в Петрограде велись тайные переговоры между богатейшим сахарозаводчиком К. И. Ярошинским² и агентом английского

правительства Ф. Ф. Личем. Речь шла о том, чтобы, воспользовавшись сильным падением после Октября цен на акции и процентные бумаги, скупить пакеты акций крупнейших российских банков. Об этом предприятии Лич доложил английскому послу в России Дж. Бьюкенену³, который консультировался в данной связи с двумя бывшими царскими министрами — Н. Н. Покровским⁴ и А. Ф. Треповым⁵. Оба заявили, что считают проект заслуживающим серьезного внимания «для установления финансовых и экономических отношений с Англией после неминуемого падения большевиков». Уехавший вскоре в Лондон Бьюкенен сообщил оттуда Личу о согласии английского правительства подписать договор с Ярошинским. По этому договору последний получил от английского правительства ссуду 500 тыс. ф. ст. под обеспечение акциями и ценностями на сумму 20 млн. руб. для приобретения крупного пакета акций Санкт-Петербургского международного банка. На таких же условиях оборотистый сахарозаводчик приобрел крупный пакет акций Сибирского байка.

Вонлярский пишет, что эта операция сулила огромнейшие барыши, так как в то время капиталы многих промышленных предприятий были сосредоточены в банках, большинством акций которых владел Ярошинский. «Однако обстоятельство, которое никому не могло прийти в голову, спутало все карты», — печалится мемуарист. И банки, и промышленные предприятия были национализированы Советским правительством. Задуманная с таким грандиозным размахом афера лопнула.

Но это не отбило у английских комбинаторов охоты погреть руки на событиях в России. И Черчилль здесь отнюдь не был исключением. Лучше всего его позицию в этом отношении характеризует заявление летом 1919 г. на совещании в военном министерстве, на котором обсуждался вопрос о перспективах торговли в районах, оккупированных белогвардейской армией генерала Деникина. Говоря об «огромных возможностях завоевания нового рынка» в Южной России для «грядущих поколений» британских дельцов, Черчилль призывал: «Настало время действовать и заполучить этот рынок». Когда же на совещании было упомянуто, что Деникин⁶ хочет регулировать торговлю и избавиться от спекуляции, Черчилль, не стесняясь, объявил себя «сторонником спекуляции на данном этапе».

Жажда поживиться за счет России играла не последнюю роль в интервенционистских устремлениях Лондона. 26 дека-

бря 1917 г. английский военный кабинет утвердил соглашение с Францией об организации интервенции в Россию.

Черчилль, участвовавший в этом заседании в качестве министра военного снаряжения, проявил большую активность. Ни в коем случае, сказал он, не следует ставить крест на России, ситуация там может вскоре измениться. Он горячо ратовал за создание специального объединения из русских офицеров во Франции или в Англии. Во-первых, оно могло бы прийти на помощь «тем русским, которые остались лояльными по отношению к Антанте», утверждал Черчилль, а во-вторых, его формирование имело бы важное политическое значение.

И уж, конечно, не без участия Черчилля был изобретен предлог для высадки десанта в Советскую Россию — ведь предлог этот был непосредственно связан с компетенцией его министерства. Британские части направлялись в Архангельск и Мурманск якобы для того, чтобы охранять от немцев доставленные туда из Англии в течение 1916–1917 гг. военные грузы для России.

Английские правящие круги не преминули ухватиться и за другую возможность военного вмешательства в русские дела: они решили использовать чехословацкий корпус, направлявшийся из России через Дальний Восток в Западную Европу. Надеясь на соединение корпуса с войсками интервентов на севере, английское правительство 17 мая 1918 г. направило в Мурманск генерала Пуля⁷ с военной миссией в составе 500 человек для обучения чешских войск, которые, как сообщает в своих мемуарах Дэвид Ллойд Джордж, тогдашний премьер-министр Англии, «по нашим расчетам, должны были там собраться к этому времени». 25 мая начался мятеж чехословацкого корпуса⁸.

Черчилль был возбужден и обрадован — он возлагал большие надежды на белочешскую авантюру. В представленном кабинету министров специальном меморандуме он призывал оказать корпусу всемерную помощь. «Мы должны направлять события, а не плыть по течению, — возглашал Черчилль. — Сейчас, когда чешские дивизии владеют огромными участками Сибирской железной дороги, неужели мы не приложим усилий, чтобы оказать им поддержку?».

Подготовка к отправке британских интервенционистских войск в Россию велась полным ходом. Но чтобы заставить солдат воевать против Советской Республики, нужно было на-

строить против нее общественное мнение в Англии. Этой задаче Черчилль придавал важное значение и сам активно участвовал в ее решении, выступая в печати, в парламенте, в публичных аудиториях. Своего друга лорда Бивербрука⁹, бывшего тогда министром информации и пропаганды, он засыпал настоятельными советами и рекомендациями по поводу того, как следует организовать и вести пропагандистскую кампанию против Советской России. «Я все больше убеждаюсь в том, — писал Черчилль Бивербруку, — что сегодня в Англии не может быть более ценной пропаганды, чем красочное описание насилий и жестокостей большевиков, предательства (по отношению к союзникам. — *Н. Д., В. Т.*), которое они совершили, разорения, в которое они вовлекли свою страну, и вреда, который они причинили нам и нашим сражающимся солдатам. Думаю, что следует поощрять как можно более широкую публикацию в газетах известий о хаосе и анархии в России».

Взгляды Бивербрука вполне соответствовали настроениям его друга. Английские буржуазные газеты старались во всю мочь, разжигая антисоветскую истерию. Большинство купленных капиталистами ежедневных газет Англии, писал В. И. Ленин, «пророчит быстрый крах Советской власти, расписывает ужасы голода в России, лжет про «беспорядки» и про «непрочность» Советского правительства». «Правда» подчеркивала, что английские газеты специализируются на «большевистских ужасах, поскольку правительство Великобритании поощряет всякое «мифотворчество» насчет большевиков в России: «чем кошмарнее, тем лучше» «.

В раздувании антисоветской шумихи Черчилль и его единомышленники действовали в тесном альянсе с деятелями российской контрреволюции. Этот альянс установился задолго до Октябрьской революции. Органическая связь между русской и английской контрреволюцией имела наиболее наглядное воплощение в лице супружеской четы, состоявшей из известного журналиста, одного из виднейших и авторитетнейших в Англии «специалистов по России» Гарольда Вильямса¹⁰ и его жены, русской писательницы и общественной деятельницы А. В. Тырковой¹¹. С первых дней существования в России буржуазно-либеральной кадетской партии Тыркова вошла в состав ее руководства. Давняя приятельница и сотрудница Петра Струве, она принадлежала к числу правокадетских идеологов. Эту женщину

называли «единственным мужчиной» в кадетском ЦК. Вильяме в течение многих лет был аккредитован в Петербурге в качестве корреспондента крупнейших английских буржуазных газет — «Тайме», «Манчестер гардиан», «Дейли кроникл». Усилиями Вильямса события в России на страницах этих газет освещались в чисто кадетском духе. А после Октября он вложил немалый вклад в то «мифотворчество» по поводу Советской власти, о котором писала «Правда».

Весной 1918 г. Тыркова и Вильямс выехали из России и обосновались в Лондоне. Здесь они сыграли важную роль в установлении непосредственных контактов между белогвардейцами и империалистической Англией. Используя широкие связи Вильямса, супруги проникали в самые высокие сферы. Они бывали гостями в домах Ллойд Джорджа и других государственных деятелей, «китов» британской прессы и везде вели бешеную агитацию в пользу интервенции.

При активном участии Тырковой и Вильямса и посильном содействии Черчилля в английском министерстве информации и пропаганды был создан комитет «для общих действий в русской политике». В этот комитет, кроме Вильямса, вошли генерал А. Нокс, бывший в 1911–1918 гг. военным атташе в Петрограде; член палаты общин С. Хор — будущий министр иностранных дел, ярый антикоммунист; чиновники министерства иностранных дел Питере и Липпер, состоявшие в свое время на дипломатической службе в России; писатель Уолпол; профессор истории Бернард Пэйрс (один из основателей реакционной зарубежной «россики»), тесно связанный с русской буржуазно-кадетской профессурой. В качестве председателя комитета был приглашен бывший посол Англии в Петрограде Джордж Бьюкенен.

Все эти деятели были включены в новообразованный комитет по двум признакам: во-первых, они бывали в России и претендовали на знание этой страны и понимание ее проблем, во-вторых, с лютой ненавистью относились к Октябрьской революции, к Советской власти.

Программа комитета была сформулирована так: интервенция в Россию «для борьбы с немцами и большевиками». Что касается первой задачи, стоит привести мнение по этому поводу такого осведомленного участника событий, как Роберт Локкарт. «Лица, отстаивавшие интервенцию, — писал он в своих мемуарах, — утверждают, что они возводили плотину против завоевания России

немцами... Но в июне 1918 г. не возникало никакой опасности, что немцы могут завладеть Россией». Так что единственной реальной целью комитета являлось свержение Советской власти. Неудивительно, что это сборище злобных врагов Советской России пользовалось благосклонным покровительством Черчилля. Члены комитета, как писала Тыркова, «нашли себе поддержку в парламенте, где образовалась целая группа, дружественная нам... Винстон Черчилль, опираясь на этих парламентариев, повел энергичную и практическую кампанию за поддержку русских государственных (читай: контрреволюционных. — Н. Д., В. Т.) сил. В результате у добровольческой армии появились сапоги и тапки».

16 июля один из активнейших членов комитета, генерал-майор Альфред Нокс, получил приказ от военного комитета отправиться во Владивосток и «представлять там британские военные интересы». Смысл этой официальной формулировки раскрыл на заседании военного кабинета 22 июля один из его членов, лорд Роберт Сесиль. «Цель назначения Нокса, — объяснил он, — собрать дружественные нам элементы русских войск и сформировать из них армию».

В этот же день, 22 июля, в Москву прибыла официальная английская экономическая делегация во главе с Уильямом Клерком. В состав ее входили горнопромышленник Лесли Уркварт, владелец Кыштымского завода на Урале (по словам Локкарта, ярый сторонник интервенции), и чиновники торгового отдела Форин оффис Эрмистед и Петере. «Эти господа, — пишет Локкарт, — приехали с целью наладить русско-английские торговые сношения. У меня язык прилип к гортани». Локкарт достоверно «знал, что наша интервенция только вопрос дней... Английские войска несомненно находились уже на пути в Архангельск». Кроме того, он справедливо считал, что, поскольку англичане оказывают поддержку воюющему против большевиков чехословацкому корпусу, они уже находятся в состоянии войны с Советской Республикой. «А тут вдруг, — продолжает Локкарт, — появляется в Москве английская экономическая делегация, рассыпается в заверениях мира и расписывает прелести нормальных торговых сношений! Возможно ли придумать больший фарс? Удивительно ли, что большевики упрекали меня в двуязычии и клеймили интриги коварного Альбиона!».

Недаром В. И. Ленин в написанном летом 1918 г. «Письме к американским рабочим» подчеркивал, что английские империалисты «побили рекорд не только по количеству награбленных колоний, но и по утонченности своего отвратительного лицемерия».

В течение июля семитысячное союзническое войско, состоявшее главным образом из английских солдат и под английским командованием, высадилось в Мурманске и Архангельске. Два английских батальона сошли на берег во Владивостоке.

Интервенты поспешили войти в контакт с главарями белогвардейского мятежа в Ярославле. Помощник командовавшего мятежниками полковника Перхурова полковник Злуницын в своих дневниковых записях отмечал, что в июле 1918 г. из-под Архангельска в Ярославль «прилетел аэроплан. Английский летчик привез мне бумагу, в которой англичане приглашают пробиваться на север, к Архангельску. Обещают снаряжение, обмундирование, питание».

Еще в июне 1918 г. британская разведка организовала антисоветский мятеж в Средней Азии, в результате которого в Асхабаде было образовано контрреволюционное правительство. «По соглашению» с ним в Туркестан были введены английские части. 4 августа интервенты, действовавшие в сговоре с местными контрреволюционными силами, высадили свои войска в Баку, доставив их через Иран и Каспийское море. Одновременно осуществлялось вторжение в Россию военных соединений других стран, участвовавших в интервенции.

В августе 1918 г. органами ВЧК был раскрыт контрреволюционный заговор, возглавлявшийся Р. Локкартом. При задержании участников заговора в перестрелке был убит английский морской атташе капитан Кроми. Известия об этих событиях привели Черчилля в ярость, которую он излил в документе, направленном военному кабинету. «Единственная политика, которая представляется эффективной, — говорилось в нем, — установить, что конкретных лиц, входящих в большевистское правительство, постигнет справедливое возмездие, сколько бы времени это ни потребовало, и заставить их почувствовать, что это возмездие станет важной целью британской политики и будет твердо преследоваться на всех этапах войны и послевоенного урегулирования».

Документ произвел впечатление. На заседании военного кабинета 4 сентября 1918 г. было принято решение послать в Мо-

скву телеграмму, «угрожающую репрессиями Ленину и другим лидерам правительства», если жизнь британских подданных в России будет подвергаться опасности. 20 сентября по приказу английских палачей были расстреляны в песчаной пустыне Закаспия 26 бакинских комиссаров¹². От разгула контрреволюционного террора страдало население всех районов, оккупированных интервентами.

Как хотелось империалистическим агрессорам расправиться с революционной Россией! Сам Черчилль рассказывает в своих мемуарах о планах подавления революции, «которыми так много бредили наяву» государственные руководители Великобритании.. Эти планы особенно бурно роились в их умах в те дни, когда английские народные массы ликовали в связи с окончанием первой мировой войны.

Вечером 11 ноября 1918 г., в день заключения перемирия, Черчилль и Ллойд Джордж обедали вдвоем в резиденции премьера. «С улицы, — вспоминает Черчилль, — к нам доносились песни и радостные крики толпы, напоминавшие гул морского прибоя». Но руководители Англии были во власти других настроений. «Не было ощущения того, что дело сделано, — пишет Черчилль, — еще остались иные враги; у победителей оспаривают власть новые силы». Под новыми силами он подразумевал победившую социалистическую революцию и революционную волну, захлестнувшую ряд стран Европы. В тот вечер оба со- трапезника пришли к единому мнению — революцию нужно «усмирить войной. Но как это сделать? Рецепт был предложен Черчиллем еще накануне, на заседании военного кабинета, где он провозгласил: «Мы должны воссоздать немецкую армию! Крайне важно вновь поставить Германию на ноги, чтобы с ее помощью воспрепятствовать распространению большевизма».

Ноябрьская революция в Германии помешала осуществлению этих замыслов Черчилля. Но столь блестящая идея не изгладилась из его сознания. Она обрела новую жизнь почти через тридцать лет, на исходе второй мировой войны. Это было, как впоследствии поведал сам Черчилль, в апреле 1945 г., когда Советская Армия в тяжелых, кровопролитных боях добывала победу над ожесточенно сопротивлявшимися фашистскими войсками. В то же самое время союзникам гитлеровцы, по словам Черчилля, «сдавались сотнями тысяч». В те дни премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль направил командующему англий-

скими войсками фельдмаршалу Монтгомери телеграмму; в ней предписывалось «тщательно собирать и складывать германское оружие, чтобы его легко можно было снова раздать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось».

Так на заключительном этапе войны Черчилль готов был вступить в сговор с недобитыми нацистами и вместе с ними повернуть оружие против своего союзника — СССР. Старая идея Черчилля об использовании Германии против Советской России легла в основу английской послевоенной внешней политики и привела в дальнейшем к ремилитаризации ФРГ и включению ее в агрессивный блок НАТО¹³.

Но вернемся к осени 1918 г. 14 ноября военный кабинет утвердил дальнейшую программу английской интервенции в России. Было решено продолжить оккупацию Мурманска и Архангельска, официально признать контрреволюционное правительство в Омске, пополнить и укрепить британские войска в Сибири, обеспечить военную помощь армии генерала Деникина, оккупировать Бакинско-Батумскую железную дорогу на Кавказе и организовать поставки военного снаряжения буржуазным правительствам Латвии, Литвы и Эстонии.

Черчилль выступал в те дни как один из самых пылких трубадуров интервенции. На заседании военного кабинета 31 декабря 1918 г. он заявил: «Мы должны сказать русским, что, если они готовы сплотиться на борьбу, мы им поможем; но если они откажутся, мы употребим силу, чтобы восстановить ситуацию и учредить демократическое (читай: контрреволюционное. — *Н. Д., В. Т.*) правительство».

В начале 1919 г. Черчилль в своей политической карьере поднялся еще на одну ступеньку. После декабрьских выборов 1918 г. Ллойд Джордж сформировал новый кабинет и предложил ему портфель военного министра. Это был важный пост, позволявший существенно влиять на правительственные решения по внешнеполитическим вопросам. А главное, в руках военного министра сосредоточивалось управление вооруженной борьбой против Советской России.

Но оказалось, что устремления военного министра прямо противоположны желаниям народных масс Англии. Уже в самом начале 1919 г. в стране началось бурное стачечное движение. В армии то и дело вспыхивали волнения из-за задержки демобилизации. Атмосфера в стране накалялась.

Безрассудный и автократичный Черчилль, презиравший «толпу», готов был, как всегда, идти напролом к достижению своих целей. Но осторожный Ллойд Джордж боялся, что расширение интервенции закончится провалом и заражением Англии «революционным вирусом». «Россия — это джунгли, — говорил он, — где никто не может сказать, что его ждет за ближайшим поворотом... Немцы, находившиеся на расстоянии всего одного удара от Петрограда, практически не имея перед собой никакой преграды, так и не смогли войти в этот город. В нашем же случае союзники находятся на самом краю России, с менее чем сотысячной армией. Большевики увеличили численность своих войск до 300 тысяч (а к будущему марту это число может возрасти до 1 млн.) и значительно улучшили свою организацию. Где мы возьмем войска, чтобы проложить себе путь вовнутрь России и покорить эту страну?».

Ллойд Джордж выражал мнение той части буржуазных политиков Запада, которые, по словам В. И. Ленина, видели, «что разложение союзнических войск в России... уже начинается; — что продолжение военного вмешательства и попытки победить Россию, требующие миллионной оккупационной армии на долгое время, что этот путь есть вернейший путь для самого быстрого перенесения пролетарской революции в страны Антанты».

Большинство членов кабинета поддержало точку зрения премьера. Таким образом, новый военный министр был лишен возможности активно действовать в духе своей агрессивной позиции и направить в Россию дополнительные мощные войсковые соединения.

Но не такова была властная и азартная натура Черчилля, чтобы он смог покорно подчиниться препятствующей его воле узде. Уже в первый день своей деятельности в военном министерстве, 14 января 1919 г., Черчилль послал пространную телеграмму генералу Мейнарду в Мурманск и генералу Айронсайду в Архангельск, подтверждая необходимость пребывания английских войск в России. «Это вопрос не столько военного значения, сколько морального эффекта, — подчеркивал он. — Лучше рискнуть несколькими тысячами людей... чем допустить крушение всей русско-сибирской (читай: белогвардейской. — Н. Д., В. Т.) системы сопротивления. Что же это будет за мирный договор, если вся Европа и Азия от Варшавы до Владивостока окажутся под властью Ленина?».

Черчилль энергично принялся за подготовку похода адмирала Колчака, который должен был начаться весной 1919 г. Началась широкая пропаганда в пользу Колчака в прессе, развернулась кампания по набору добровольцев. Увлечение Колчаком стало модой в лондонском буржуазном обществе; разодетые дамы носили в бутоньерках жетоны с его портретом.

Лагерь российской контрреволюции связывал большие надежды с именем Черчилля. Члены русской делегации, состоявшей из представителей различных контрреволюционных течений и посланной в Европу для агитации в пользу «белого дела» (так называемая Ясская делегация), по возвращении в Россию докладывали Национальному центру: «Черчилль обнаруживает полную готовность идти навстречу нашим пожеланиям, и во исполнение их производится заготовка военного и иного снаряжения на 250 тыс. армию. Что касается поддержки живой силой, то таковая оказывается путем набора добровольцев, причем и частный, почин приходит на помощь денежными средствами. Но все это делается в тишине и даже не проникает в печать».

Между тем развитие событий не радовало военного министра. В марте 1919 г. победила социалистическая революция в Венгрии. Когда сообщение об этом обсуждалось на заседании военного кабинета, Черчилль настаивал на том, чтобы Англия взяла на себя оснащение румынской армии для использования ее против «русских и венгерских большевиков». Не получив поддержки, он, по словам одного из участников заседания, «очень разгорячился и предрекал скорую и обширную катастрофу» как результат неразумных решений Парижской мирной конференции¹⁴.

Через три дня, 27 марта, последовал меморандум от руководителя военных операций генерал-майора Рэдклиффа, предупреждавшего об опасной военной ситуации на севере России. Войска под командованием генералов Мейнарда и Айронсайда ненадежны, говорилось в меморандуме, «они устали, потеряли боевой дух, рвутся на родину и предрасположены к бунту. Их моральное состояние бесспорно на столь низком уровне, что они легко становятся жертвами очень активной подстрекательской пропаганды большевиков, ведущейся врагом со все возрастающей энергией и искусством».

28 марта Черчилля постиг новый удар. Стало известно, что поскольку французские интервенционистские войска на юге России

находятся на той же стадии разложения, что и десантные части на севере, в Париже принято решение об эвакуации их из Одессы. Для Черчилля это было полнейшей неожиданностью. Еще больше его вывело из себя известие о том, что при обсуждении вопроса об интервенции во французской палате депутатов была названа «точная цифра» воинских ресурсов интервентов на севере России, а представители правительства во всеуслышание заявляли: больше туда не будет послан ни один человек. В телеграмме Ллойд Джорджу Черчилль излил свое крайнее возмущение французами, которые «раскрывают врагу нашу слабость и намерение эвакуироваться».

На заседании военного кабинета Черчилль позволил себе откровенно высказаться по этому поводу в адрес французов: их «безнравственные» заявления «полностью скомпрометировали нашу позицию в Северной России и подвергают большой опасности жизнь наших солдат, а ведь их на этом театре насчитывается около 13 тысяч».

Черчилль телеграфирует французскому главнокомандующему маршалу Фошу, шлет «личное и секретное» письмо премьер-министру Франции Клемансо. Цель этих обращений — предупредить уход французских частей с территории севера России. «Я подготовил мощную бригаду добровольцев, — сообщал он Клемансо, — и держу суда наготове, чтобы переправить ее как только будет возможно». Черчилль, просил заменить французские войска в Архангельске, «уставшие от всего, через что им пришлось пройти, и в значительной степени утратившие боевой дух и дисциплину», «свежими надежными частями». В ответном письме Клемансо обещал прислать пехотный батальон и три артиллерийские батареи взамен эвакуированных из Архангельска частей. Для французских вождей империалистической интервенции официальные обещания их правительства значили так же мало, как и для их английских сообщников.

Одновременно Черчилль усилил нажим на Ллойд Джорджа, добиваясь прямого указания, что тот не будет противодействовать отправке новых пополнений на север России. Адмиралтейство за два дня может собрать 900 добровольцев, готовых туда ехать, уверял военный министр; может быть, посылать подкрепления и не понадобится, но на случай крайней необходимости ему нужна полная свобода рук. Ллойд Джордж не устоял перед натиском Черчилля и 3 апреля в краткой, но решительной телефонограмме

сообщил ему, что не намерен вмешиваться в распоряжения военного министра, связанные с перемещением британских войск на севере России.

Обрадованный Черчилль, передав премьеру в Париж по телефону «тысячу благодарностей», приступил к немедленным действиям. Ссылаясь на «чрезвычайные полномочия», полученные от главы правительства, он предписал генералу Харингтону немедленно объявить дополнительный набор добровольцев. Вербовать их следует на девять месяцев, выдав сверх жалованья по 30 фунтов в качестве поощрения. «Таким образом можно очень легко найти новые возможности для добровольного вступления людей в армию». О каких «добровольцах» шла речь? Отец одного из них писал в редакцию газеты «Дэйли Геральд»: «Я получил письмо от моего сына... Народу нашей страны говорят, что в Россию отправляется добровольческая армия. Это неправда, ибо мой сын говорит, что никто из них не желал отправиться в Россию. Солдат послали против их воли, они возмущены этим».

Генерал Харингтон не только полностью поддержал стремление военного министра активизировать действия на севере России, но и выступил с собственной инициативой. Он предложил снабдить части генерала Айропсайда отравляющими газами, которые прошли испытание в последние месяцы первой мировой войны, но никогда еще не применялись в деле. Черчилль колебался. Наивно было бы думать, что его пугала перспектива пустить в ход страшное химическое оружие. Военного министра заботило другое. «Уверены ли вы, — спрашивал он Харингтона, — что разумно обнаружить секрет нашего нового газа ради такого ограниченного употребления, какое возможно при масштабах действий в Северной России?». Харингтон ответил, что эксперты по газу из военного министерства высказались в пользу его применения на севере России.

Черчилль был вполне удовлетворен. «Конечно, мне бы очень хотелось угостить большевиков газом, если мы можем себе это позволить», — писал военный министр. Не менее хотелось того же и генералу Айронсайду, как он сообщал в военное министерство. Оттуда известили, что при первой возможности будут посланы 24 офицера — специалиста по газовому оружию со всем необходимым снаряжением. Метеорологические данные позволяли надеяться, что с 1 мая можно будет начать навигацию. На заседании военного кабинета было решено с ее открытием послать

в Архангельск газ «как можно скорее». Черчилль полностью одобрил это решение.

Одновременно готовились и «отравляющие средства» в области пропаганды. Еще в ноябре 1918 г. военный кабинет дал распоряжение собирать материал о «жестокостях большевиков» для «полной и скорейшей публикации». Напоминая об этом, Черчилль 28 марта 1919 г. писал лорду Керзону о необходимости срочно опубликовать специальную «Синюю книгу» на эту тему. Керзон обещал «проталкивать» ее выпуск «изо всех сил». 9 апреля на рассмотрение парламента был представлен плод, усилий Черчилля, Керзона и их сотрудников, переименованный в процессе публикации из «Синей» в «Белую книгу» (с подзаголовком «Сборник донесений официальных представителей Его Величества в России, и английских подданных, недавно возвратившихся из этой страны»).

Во время обсуждения этого пасквиля в палате общин выступил лейборист Джошуа Веджвуд. В 1918 г. он являлся членом британской военной миссии в Сибири и потому мог оценить «Белую книгу» с точки зрения очевидца описываемых в ней событий. Протестуя против представленной парламенту стряпни, Веджвуд заявил, что все собранные в ней истории о «жестокостях большевиков» не что иное, как «анонимные сплетни».

Однако Черчилль в своих речах и выступлениях без устали цитировал «Белую книгу», распинаясь на излюбленные им темы об «ужасах большевистской тирании», о «предательстве», якобы совершенном Советской Республикой. «Гибель каждого английского и французского солдата, убитого в прошлом году, — вещал он на публичном собрании в Лондоне 11 апреля, — дело рук Ленина», результат «предательства по отношению к союзнику, не имеющего параллелей в мировой истории!».

Черчилль был прекрасно информирован о том, что Советское правительство никогда не заключало никаких военных договоров с империалистами Антанты, а те, которые были заключены царским и Временным правительствами, в первых же своих актах объявило аннулированными. Поэтому щедро рассыпавшиеся Черчиллем громовые обвинения в адрес большевиков в предательстве были наглым политическим блефом, рассчитанным на неосведомленность аудитории о реальной политической ситуации в России.

Стараясь любыми средствами заглушить протесты внутри страны против продолжения интервенции, Черчилль в то же время

был весьма обеспокоен тем, чтобы английские части на севере России не успели окончательно «разложиться» до прибытия свежих подкреплений. В начале апреля он написал послание солдатам, в котором горячо уверял, что их «безопасность и благополучие» составляют главную заботу военного министерства, «твердо намеренного сделать все, что в его силах» для их «благополучного возвращения домой». Однако, подчеркивалось в послании, «и ваша жизнь и возможность вновь увидеть свой дом» целиком зависят от «вашей дисциплины и проявления истинных британских боевых качеств», от «решительной и преданной службы». «Деритесь, как подобает британцам, — призывал Черчилль, — и покажите пример в этих трудных условиях войскам любой другой страны».

В общественном мнении Англии само имя Черчилля стало символом оголтелой антисоветской политики. Осуществление этой политики Черчилль рассматривал как дело своей жизни. В доверительных разговорах с друзьями он признавался, что готов скорее подать в отставку, чем согласиться с «позорным отступлением из России».

В апреле 1919 г. английское казначейство вошло в правительство с предложением прекратить субсидирование русской белогвардейской военной миссии в Лондоне. Черчилль был вне себя от «близорукой» акции финансистов. В письмах к министру финансов Остину Чемберлену он призывал «всячески поддерживать» русскую военную миссию, предвещая, что «может не пройти и года, как они станут представителями правительства, действующего от имени воссоединенной России. Как недалновидно с нашей стороны было бы лишать их помощи!».

В это время развитие событий казалось обнадеживающим: войска Колчака¹⁵ перешли через Каму и готовились к наступлению на Казань и Вятку. Черчилль приободрился. Открылось судоходство по северным морям, и в Архангельск было переправлено большое количество снаряжения и обмундирования. 9 мая в газетах появилось сообщение о погрузке на суда добровольческих частей, отправлявшихся в Архангельск, а также 10 млн. ружей и 10 млн пачек патронов. По решению военного кабинета английские войска должны были до конца лета 1919 г. полностью эвакуироваться. Однако Черчилль надеялся, что в течение мая, июня и июля они, выступая совместно с белогвардейскими частями, смогут продвинуться далеко вперед. «Присутствие

британских войск, — писал он начальнику Генерального штаба Генри Вильсону 22 апреля, — сможет помочь силам Колчака сомкнуться с нашим левым флангом Архангельского фронта». На следующий день при личной встрече Черчилль обсуждал с Вильсоном ситуацию в России. Говорили о том, что добровольцами на север России записалось около 35 тыс. человек — гораздо меньше того числа, на которое они рассчитывали. И все же этого достаточно, чтобы Генеральный штаб мог войти в военный кабинет с предложением «как следует ударить в направлении Вятки для соединения с Колчаком перед тем, как ретироваться с русского Севера».

Нокс телеграфировал из Екатеринбурга, что армия Колчака, по расчетам его генералов, должна занять Котлас и Вятку к концу мая. Если антибольшевистские силы севера и Сибири сольются, предвкушал Нокс, «это даст возможность открыть наилучший путь для английской торговли».

Настроения английских вождей интервенции были самые оптимистические. Колчак достиг «весьма заметных успехов», писал Черчилль Ллойд Джорджу. Он имеет «очень хорошие шансы» достичь Волги и даже развить наступление дальше на запад, по направлению к Москве. «Мы можем, я думаю, утверждать, — продолжал военный министр, — что оказываем Колчаку более эффективную помощь, чем другие великие державы, поскольку мы послали ему оставшегося у нас военного снаряжения на 12 млн. фунтов и усилиями наших офицеров и агентов эта огромная масса пропущена через Сибирскую железную дорогу». Эту «уже очень существенную» материальную помощь Черчилль предлагал дополнить моральной поддержкой, признав Колчака «верховным правителем России».

Просьбу военного министра премьер обсуждал с приехавшим в Париж Генри Вильсоном 27 апреля за обедом и на следующий день за завтраком. Вильсон сразу же сообщил Черчиллю, что реакция Ллойд Джорджа была неопределенной: он «не отвергает эту идею, хотя и не относится к ней с таким энтузиазмом, как мы».

Получив письмо Вильсона, Черчилль поспешил снова обратиться по этому поводу к премьер-министру и на сей раз выразил свою позицию со всей возможной откровенностью. «Не сердитесь на меня за *моего* Колчака, В самом деле, есть реальная надежда, что он *будет таскать каштаны из огня для всех нас* (курсив наш. — Н. Д., В. Т.)». Излюбленный

принцип английской внешней политики — переложить всю тяжесть борьбы на плечи союзника и при этом как можно шире воспользоваться результатами победы — Черчилль усвоил великолепно. Этим принципом он руководствовался и в годы второй мировой войны, всемерно затягивая открытие второго фронта и стремясь урвать кусок пожирнее на послевоенной конференции в Потсдаме.

Настояния и посулы Черчилля, а еще больше сведения об успехах белогвардейских армий оказали воздействие на Ллойд Джорджа. Английская делегация сыграла ведущую роль в том, что в мае 1919 г. Парижская мирная конференция приняла решение признать Колчака правителем всей России.

Однако уже в том же месяце белогвардейское наступление на Восточном фронте захлебнулось, а в июне Черчилль был вынужден сообщить на заседании палаты общин, что «за последнюю неделю войска Колчака отброшены на 120 миль». Неважно обстояли дела и на Северном фронте. 20 июня английские и белогвардейские части при поддержке английского флота и авиации продвинулись к югу по реке Двине, но затем и здесь военные операции застопорились.

Непостижимая для Черчилля стойкость Красной Армии приводила его в ярость. В июне и июле его выступления в печати и в различных аудиториях против Советского правительства приобретают все более резкий характер. Особенно злобной была статья в еженедельнике «Уикли диспетч» о необходимости скорейшего «избавления» России от большевиков. В каждой стране большевизм, говорилось в статье, означает «самую беспощадную гражданскую войну между вечно недовольными, преступными и мятежными классами, с одной стороны, и согласными с законом и придерживающимися его — с другой».

Верил ли он сам в то, что говорил и писал? Едва ли. Кто, как не сам Черчилль, мог сознавать с полной ясностью, что без помощи белогвардейщине из-за рубежа продолжение гражданской войны было бы невозможно. Не потому ли с таким остервенением он добивался всемерного расширения этой помощи? А если даже верил, то как тогда мог объяснить успехи Красной Армии, испытывавшей недостаток в продовольствии, боеприпасах и снаряжении?

В начале июля, когда кончилось таяние снегов и прекратились обильные дожди, уровень воды в Двине резко понизился.

Английская флотилия — важная составная часть сил Северного фронта, — чтобы не сесть, на мель, вынуждена была переместиться ближе к устью реки и была захвачена частями Красной Армии. Теперь всякая надежда на соединение архангельских частей с силами Колчака исчезла.

Подавленный печальными известиями, Черчилль был вынужден признать на заседании военного кабинета, что корень зла следует искать не в уровне реки, а в том, что артиллерия у большевиков «большого радиуса действия, чем наша». Главное же, по его словам, состоит в том, что моральное состояние Красной Армии выше, чем у тех, кто ей противостоит.

Действительно, с Северного фронта все чаще поступали сообщения о волнениях в войсках белогвардейцев и интервентов, 7 июля вспыхнул «бунт» в русском батальоне, находившемся в резерве на правом берегу Двины. Были убиты трое английских и четверо русских офицеров, а «зачинщики» вместе с группой солдат перешли к большевикам. 22 июля произошло восстание в войсках в районе реки Онеги, в секторе генерала Мейнарда. Русский полк перешел через линию фронта и сдался красноармейцам. Что ни день из России приходило новое известие того же рода.

Ллойд Джордж открыто выражал свое недовольство Черчиллем и его линией. Вполне готовый поддерживать военную борьбу против большевиков в момент успеха, он при первых же неудачах занял (по выражению секретаря военного кабинета Мориса Хэнки) позицию «я вам это говорил». Наблюдавший обоих в те дни Хэнки отмечал в дневнике, что Черчилль очень подавлен, а премьер донимает его постоянными попреками.

Министр просвещения Фишер также зафиксировал в дневнике свои впечатления от июльских встреч с Черчиллем: «Он весь горит по поводу России. Не хочет видеть, что наша экспедиция туда непопулярна. Чувствует себя униженным при мысли об эвакуации из Архангельска». 28 июля Черчилль имел долгую беседу о русских делах с Генри Вильсоном, отразившим ее содержание в своем дневнике: «Уинстон очень взволнован и поговаривает об отставке».

А на следующий день газета «Дейли экспресс» вышла с передовой статьей, в которой в соответствии с господствующим среди народных масс Англии настроением резко осуждалась политика Черчилля: «Страна совершенно не желает вести большую войну

в России... Давайте же наконец покончим с безумной манией мистера Уинстона Черчилля, военного авантюриста. Вернем наших солдат домой — если мы еще можем это сделать».

В тот же день военный министр принужден был объявить на заседании парламента, что все английские войска будут возвращены на родину раньше установленного прежде срока (15 октября). Большую часть речи Черчилль посвятил самооправданиям. Он доказывал, что проводил в отношении России лишь тот курс, который был намочен до его вступления на пост военного министра, и старался осуществлять этот курс «точно и добросовестно». Черчилль утверждал, что никто не сможет указать ни единого решения или обязательства, связанного с «интервенцией, вмешательством или сношениями с Россией», за которые он нес бы персональную ответственность.

Нечасто в своей жизни он выглядел так жалко. Значило ли это, что «интервент номер один» распрощался со своими азартными и авантюристическими завоевательными проектами, смирился с поражением? Нет, не таков был Уинстон Черчилль. Он не только не подал в отставку (как грозился в разговорах с друзьями), но в тот же самый день уже прокладывал новое главное русло для своей антисоветской активности. В протокольной записи речи Черчилля на заседании военного кабинета от 29 июля значится, что он «особенно желал избежать такого положения, при котором решение об эвакуации с севера России было бы утверждено без принятия определенной политики в отношении Южной России». «Единственное место, где есть еще возможность что-то сделать, — это районы, находящиеся под властью генерала Деникина», — заявлял военный министр и призывал оказать Деникину всемерную помощь, снабжая его продовольствием, товарами и военным снаряжением. Он подчеркивал крайнюю важность поддержки Деникина на этом этапе, поскольку «результаты военных операций в течение трех будущих месяцев могут решить всю судьбу России».

Итак, утром в парламенте Черчилль произносит для широкой публики «покаянную» речь в связи с политикой в России, а вечером в узком правительственном кругу намечает новые далеко идущие планы в отношении Страны Советов. Недаром находившийся в то время в Лондоне П. Н. Милюков¹⁶ сообщал в своем отчете кадетскому Национальному центру: «Несомненно, что вопрос о помощи России является сейчас функцией внутренней

политической борьбы. Как раз в этом вопросе идет водораздел между правительством и большинством палаты, с одной стороны, и настроением рабочих — с другой. Правительство... в лице Винстона Черчилля говорит одно, а делает, по счастью для нас, совершение другое. «Возьмем войска из России», а для этого пошлем новые подкрепления: вот ходячий образчик здешнего политического лицемерия».

Черчилль неустанно добивался усиления поддержки Деникину. Еще в апреле 1919 г., посылая на юг России нового главу английской военной миссии генерала Хольмана, военный министр передал с ним личное письмо Деникину, где подчеркивал стремление «всяческим образом помочь Вам в Вашей задаче сломить большевистскую тиранию». 29 мая он требовал от военного кабинета выделить 1 млн ф. ст. на железнодорожное оборудование и армейское обмундирование для деникинцев. Черчилль горячо поддерживал мнение вернувшегося в Лондон предшественника Хольмана генерала Бриггса о необходимости доставки из Англии на юг России оружия, снаряжения и обмундирования на 250 тыс. человек. По настоянию Черчилля военный кабинет выделил его министерству 100 тыс. ф. ст. только на «мелкие расходы» по делам интервенции. С особенным жаром он ратовал за предоставление Англией крупного займа Деникину. «Россия — очень большая страна, — убеждал он своих коллег по военному кабинету, — она в состоянии заплатить за все...».

12 августа 1919 г. было созвано специальное заседание военного кабинета для выработки английской политики в отношении Деникина и его армии. Черчилль произнес долгую и пылкую речь в поддержку Деникина, называя его «единственным светлым пятном в России». Военный министр превозносил «боевые качества его добровольческих войск», популярность Деникина среди населения и предсказывал ему скорый и полный успех.

Черчилля поддержал заместитель премьера Бонар Лоу, а также сам Ллойд Джордж, который заявил (учитывая, конечно, благоприятное военное положение Деникина): «Я склоняюсь к политике, предложенной мистером Черчиллем». Премьер-министр считал возможным продолжать снабжение белой армии снаряжением (но не солдатами) и произнес следующую тираду: «Мы должны сказать Деникину: в вашем распоряжении весь

уголь России, вы получите мощные запасы нефти и скоро будете располагать главными источниками продовольствия. Мы довели вас до того момента, когда вы можете стоять на собственных ногах; мы не можем больше безвозмездно обеспечивать вас всем необходимым, хотя готовы торговать с вами на обычных началах».

Интересно, что в этот самый день, 12 августа, один из наиболее осведомленных представителей российской контрреволюции за рубежом, известный адвокат кадет М. С. Аджемов, писал своим товарищам кадетам, близким к Деникину: чтобы обеспечить помощь союзников, «нужно образовывать здесь валюту, а это возможно путем организации вывоза хлеба, угля, нефти и т. д. Это для победы нашей вопрос ее бытия или небытия. Обратите на это срочное внимание...».

Решение военного кабинета об отправке Деникину еще одной внуши тельной порции вооружения и обмундирования вселило в Черчилля новы» надежды на грядущие победы белой армии на юге России. Он продолжал верить, что Колчак также «еще не кончен», что операции белогвардейских войск достигнут своего апогея не позднее чем к рождеству, т. е. к декабрю 1919 г. Презрительно отзываясь о «явной военной слабости» большевиков, которым приходится сражаться против всех и вся, Черчилль уверял самого себя и окружающих, что «большевики едва ли смогут выступить следующей зимой, когда они будут отрезаны от горючего и продовольствия, с парализованными коммуникациями и сокращающимися запасами амуниции...».

Деникинская армия продолжала наступать. 18 августа она захватила Херсон и Николаев. Советским оставался лишь один порт на Черном море — Одесса. Черчилль поспешил послать срочную телеграмму французскому премьер-министру Клемансо с просьбой воздержаться от репатриации на родину через Одессу 50 тыс. русских солдат (посланных царским правительством во Францию в период первой мировой войны), чтобы, они не смогли влиться в ряды Красной Армии. «Продвижение Деникина, — говорилось в телеграмме, — единственная надежда на удовлетворительное решение русского вопроса на ближайшие несколько лет. Нельзя предпринимать ничего, что могло бы хоть в чем-то помешать возможности успеха генерала Деникина».

23 августа деникинцы ворвались в Одессу. «Наше дело растет изо дня в день», — торжествующе сообщал Черчилль Ллойд

Джорджу. Он был полон радужных надежд: ставка на Деникина оправдывает себя, а то ли еще будет, когда Северо-Западная армия генерала Юденича предпримет новую, на этот раз сокрушительную, атаку на Петроград!

Военному министру прибавилось хлопот — теперь он был озабочен; тем, чтобы акция Юденича была поддержана германскими войсками в Прибалтике. В письме к министру иностранных дел Бальфуру Черчилль предлагал, чтобы немцы сформировали корпус из бывших русских военнопленных и использовали его для атаки на Петроград. Конечно, его смущало, что таким образом «возрастет германское влияние в Прибалтике», но, спрашивал он Бальфура, «разве не стоит того возможность нанести решительный удар» по Советской России? Уничтожение ее необходимо для выживания нашего мира, говорилось в письме. «Осуществится ли оно, я не знаю, но сегодня мы близки к этому, и любая возможность сплочения антибольшевистских сил в Прибалтике, или свержение Бела Куна в Будапеште, или соединение румынских армий с войсками Деникина... — все это чрезвычайно важные и обнадеживающие факторы на пути к решению, которого мы добиваемся».

Одной из главных забот Черчилля в эти дни была организация снабжения Юденича вооружением и боеприпасами. Он обращался за поддержкой к Ллойд Джорджу, Бальфуру, лорду Керзону, старался раздуть прославление Деникина и Юденича в английской прессе. Главной опорой его оставалась консервативная газета «Тайме». Летом 1919 г. она послала на Дон в качестве собственного корреспондента при ставке Деникина упоминавшегося выше Гарольда Вильямса. Регулярно публиковавшиеся на страницах газеты корреспонденции Вильямса из России были полны ненависти к Советской власти. В то же время белогвардейцы изображались «апостолами милосердия», бескорыстными рыцарями, отстаивающими интересы «общеклассовых, патриотических сил России». Подобным образом «Тайме» восхваляла и Юденича. Газета настаивала на том, что Англия должна оказать ему всяческую помощь, «чтобы от его мощного удара большевики уже не смогли оправиться».

Однако в лейбористской прессе громко звучали совсем другие голоса. Так, «Дейли геральд» предупреждала своих читателей, что исход событий в России еще не ясен. «Черчилль, как всегда совершенно не считающийся с общественным мнением, — писала

газета, — не видит, что недовольство непомерно дорогостоящими и реакционными авантюрами перерастает в серьезные “беспорядки” в нашей стране...».

Зато это видел Ллойд Джордж и весьма опасался реакции трудящихся масс Англии на действия военного министра. В ответ на домогательства Черчилля премьер, отдыхавший в то время на французском курорте Довиль, отправил в Лондон письмо-меморандум, адресованное Бальфуру, Черчиллю и лорду Керзону. «Я верю, — писал Ллойд Джордж, — что кабинет не допустит вовлечения Англии в какую-либо новую военную акцию в России... Что касается «огромных возможностей» для взятия Петрограда, который, как нам говорят, «у нас уже почти в кулаке» (премьер цитировал Черчилля. — *Н. Д., В. Т.*) и которого нам никогда не схватить, то мы слишком часто слышали о других «огромных возможностях в России», которые так никогда и не реализовались, несмотря на щедрые расходы для их осуществления. Только за этот год мы уже истратили более 100 миллионов на Россию. Мы послали туда отборные войска... Мы делали все, что в нашей власти, чтобы помочь адмиралу Колчаку использовать эти возможности, не только снаряжая его армию, но и санкционировав военную экспедицию для проникновения глубоко внутрь России и соединения с ним. Теперь его освободительная армия — или по крайней мере то, что от нее осталось, — во все лопатки удирает назад к Омску и уже вострит лыжи дальше — на Иркутск». Ллойд Джордж откровенно высказал в письме свое мнение о предприятии Юденича: «У него нет никаких шансов захватить Петроград... Он ничем не зарекомендовал себя как военачальник, и у нас нет доказательств, что он способен осуществить задуманное... Тот факт, что из населения в несколько миллионов антибольшевики смогли набрать только 20 или 30 тысяч человек, — еще одно свидетельство полнейшего непонимания ситуации в России, на котором строится наша военная политика...». «Россия не хочет, чтобы ее освобождали, — решительно заключал Ллойд Джордж. — Давайте поэтому займемся собственными делами, а Россия о своих делах пусть печется сама».

Эта суровая отповедь отражала накопившееся за год в душе Ллойда Джорджа и с трудом сдерживаемое им раздражение против военного министра. Черчилль активно мешал проведению того гибкого и по-своему хитроумного политического курса,

который избрал для себя глава английского правительства. Тонкий и вдумчивый наблюдатель, бывший посол Временного правительства в Париже В. А. Маклаков¹⁷ так характеризовал позицию Ллойд Джорджа: «У него своя возня с рабочими, он, может быть, признанием большевизма бросит кость своим рабочим а, убрав сопротивление его мероприятиям, основанное на недоверии к нему как к противнику широких социальных уступок рабочим, добьется многого».

Категорический протест английского рабочего класса против политики интервенции определял и позицию лейбористской части парламента. На заседаниях палаты общин Черчиллю приходилось несладко. Так, во время одного из таких заседаний депутаты-лейбористы потребовали от военного министра дать отчет о стоимости содержания Ньюмаркетского лагеря, где проходили подготовку 12 тыс. русских офицеров — бывших военнопленных. Когда выяснилось, что на каждого из них еженедельно затрачивается 2 фунта 10 шиллингов (т. е. на лагерь в целом более 100 тыс. фунтов в месяц), Черчиллю была устроена обструкция:

«Депутат Эдвардс. Разве правительством разрешено тратить деньги на обучение русских офицеров с тем, чтобы они сражались против своих же русских?»

Военный министр. Конечно, кабинет дал на это свое согласие. Офицеры обучаются и экипируются для того, чтобы заменить нас в тех областях, за которые мы отвечаем.

Депутат Веджвуд. Но согласен ли англичанин, платящий налоги, платить за обучение русской армии, которая будет действовать против русского правительства?».

Депутаты-лейбористы резко критиковали действия военного министерства, настаивали на том, что по отношению к России оно должно «придерживаться мнения народа».

Но считаться с мнением широких народных масс Черчилль отнюдь не собирался. Он был вдохновлен продолжающимся наступлением Деникина, захватом Киева, успехом Колчака в сражении у реки Тобол и делал все от него зависящее, чтобы способствовать победе сил контрреволюции. Это была его заветная мечта, его главная цель. Война в России поглотила его целиком. Недаром летом 1919 г. в некоторых английских газетах сообщения с русского фронта публиковались под шапкой «Личная война мистера Черчилля».

Военный министр обращался к членам правительства, агитируя их за усиление помощи белогвардейцам и искус-

но играя на их слабых струнах. Так, фанатику английской колониальной политики лорду Керзону он угрожал тем, что «большевизм может заполнить всю огромную территорию от Каспия до индийской границы», что, не препятствуя этому, Британская империя подвергает риску свои интересы в Персии и Афганистане.

Сторонникам скорейшего прекращения военной помощи белым армиям Черчилль обещал, что, как только будет достигнута «надежная граница», Англия выступит посредницей в мирных переговорах между Советским правительством и Деникиным как главой нового государства, простирающегося до берегов Черного моря, — Южной России со столицей в Киеве.

20 сентября Черчилль с торжеством сообщал Ллойд Джорджу о взятии Деникиным Курска, уверяя, что «ничто не может спасти большевистскую систему или большевистский режим. Ошибками с нашей стороны мы можем продлить агонию русского народа... Единственный вопрос, бросим ли мы его в этот решительный момент и таким образом потеряем все, чего с таким трудом добивались».

Черчилль засыпал Ллойд Джорджа предложениями и просьбами. Памятную записку на пяти страницах он озаглавил «Последняя помощь Деникину», другой меморандум, в пять тысяч слов, — «Русская политика». Военный министр доказывал, что самая простая и разумная политика — «осуществлять борьбу против большевиков всеми средствами, имеющимися в нашем распоряжении, по единому плану, сразу на всех фронтах».

А тем временем военное министерство не прекращало снабжения белой армии. В конце сентября Черчилль получил благодарственное письмо от генерала Юденича¹⁸: «Дорогой сэръ!.. Я приношу вам искреннейшие благодарности за своевременную помощь снаряжением и обмундированием, любезно предоставленную вами. Она избавила нас от страха перед надвигающимися зимними морозами и намного подняла дух наших войск. Прилагая все усилия в борьбе против общего врага, мы надеемся, что столь великодушная всегда Англия будет продолжать оказывать нам моральную и материальную поддержку».

6 октября деникинцами был захвачен Воронеж, 13 октября — Орел. «Заняв Орел, — вспоминал впоследствии член английской военной миссии лейтенант Роберте, — мы уже думали о том, на каких лошадях будем с триумфом въезжать в Москву».

В те дни Черчилль наметил программу мероприятий, осуществление которых способствовало бы, по его мнению, скорейшему падению Москвы. Эта программа включала следующие пункты: продолжение поставок в Южную Россию; оказание нажима на закавказские республики (чтобы помешать их нападению на Деникина с тыла), на Румынию (чтобы заставить ее отказаться от поддержки сепаратистской армии Петлюры¹⁹), на Польшу (чтобы подтолкнуть ее к нападению на Советскую Россию с запада, в направлении Смоленска); недопущение как можно дольше заключения мира между Прибалтийскими странами и Советской Республикой; возобновление помощи белогвардейцам в Северной России; давление на Соединенные Штаты для обеспечения их поставок экипировки и зимнего обмундирования Колчаку и, наконец, «британская инициатива» в пользу «единства финансовых интересов России и Англии», чтобы установить «благоприятные условия кредита и торговли в огромных районах, недавно освобожденных армией Деникина».

Последний пункт был не менее важен для английских бизнесменов и в отношении районов, контролируемых армией Юденича. Здесь развернул активную деятельность все тот же Лич, затевавший в свое время крупную аферу с сахарозаводчиком Ярошинским. Еще в апреле Лич познакомился с приехавшими в Лондон экономическими представителями Юденича миллионером Юлием Гессеном и бывшим председателем Калашниковской биржи Воробьевым, устроил им встречу с большой группой (около 40 человек) членов парламента, которых они агитировали за оказание продовольственной помощи Северо-Западной армии. В октябре Лич был уже в Гельсингфорсе. Через своего агента, некоего Гарденина, он проник в ближайшее окружение Юденича и вел с ним переговоры об учреждении в Петрограде англо-русского банка с монополией на валютные операции.

Утешительные вести о продвижении белых армий к Москве и Петрограду окрылили Черчилля, удесятерили его энергию и напористость. Под его давлением военный кабинет, в глазах которого акции Деникина поднимались не по дням, а по часам, 7 октября принял решение ассигновать 3 млн. фунтов на материальную помощь Деникину. Но военный министр этим не удовлетворился. Уже на следующий день он добился согласия правительства на поставку снаряжения Деникину

еще на сумму 14,5 млн фунтов. О своей победе торжествующий Черчилль немедленно телеграфировал Деникину. Телеграмму, отправленную тому же адресату на следующий день, он заключал следующими словами: «Я переполнен радостью по поводу непрерывных замечательных побед, одержанных вашей армией, и ее неуклонного продвижения к цели».

А что же Ллойд Джордж, так недавно и так категорично отвергавший всякую мысль о новых расходах на русские дела? Он был поистине «гибкий» политик — сгибался перед силой обстоятельств, явно поворачивавшихся в другую сторону по сравнению с его прогнозами. Тут уж было не до флирта с рабочими, в воздухе запахло большими барышами для лондонского Сити.

10 октября Черчилль писал Ллойд Джорджу: «Мне кажется, что сейчас правильная политика для нас — способствовать согласию и совместным действиям Польши и Деникина». Чтобы стимулировать Польшу в этом плане, он предлагал, чтобы Англия и Франция взяли на себя вооружение и снаряжение польской армии.

В тот же день военный министр разразился гневным посланием Дж. Спендеру — редактору «Вестминстерской газеты», выступившему 10 октября на ее страницах с резкой статьей против российской контрреволюции и ее покровителей в Англии. Он упрекал Спендера в искажении фактов, в непонимании ситуации в России, в забвении интересов Англии. Черчилль горел негодованием; в эти дни, как отметил в своем дневнике лорд Керзон, военный министр смотрел «на каждого, кто не стоит на коленях перед Деникиным и Колчаком, как на двурушника и предателя».

Эта запись была сделана, видимо, под непосредственным впечатлением от возмущенного протеста Черчилля по поводу донесений в Форин оффис из Владивостока от английского высокого комиссара Уильяма О'Рейли. Последний негативно оценивал действия Колчака и к тому же позволил себе принять депутацию дальневосточной «общественности», жаловавшуюся на автократичное поведение адмирала. «Как он смеет, — кипятился Черчилль, — засорять телеграф бесконечными телеграммами о слухах и интригах во Владивостоке и нескончаемыми оскорблениями и злословием по адресу Колчака!» Военный министр обращался к лорду Керзону как к министру иностранных дел с категорическим требованием убрать «этого бестолкового

сплетника» из Владивостока. Керзон удовлетворил протест Черчилля, и О'Рейли был отозван.

В упоении от успехов Деникина и Юденича Черчилль чувствовал себя триумфатором. 14 октября он распространил среди членов кабинета меморандум на шести страницах, возвещавший, что «большевистская система с самого начала была обречена на гибель, так как противоречила основополагающим принципам цивилизованного общества». Теперь военный министр уже и мысли не допускал о заключении какого-либо перемирия с Советской властью. «Для любого цивилизованного правительства, — с пафосом утверждал он, — ни в коем случае невозможно установление нормальных мирных отношений с большевистским правительством».

Впрочем, от цивилизации Черчилль отлучал не только большевиков, но и вообще всю русскую нацию. Чего стоит, например, его разговор с Генри Вильсоном 16 октября 1919 г., когда Юденич стоял на подступах к Петрограду, а Деникин уже видел себя в Кремле! Дымя сигарой после вкусного ленча, самодовольный и благодушный, Черчилль поведал начальнику Генерального штаба, что собирается поехать к Деникину в Москву «ну как бы в качестве посла» и самолично изготовить для России новую конституцию. Оказывается, он уже обсудил эту идею с Ллойд Джорджем и тот был не против такого вояжа.

В восторге от того, что ему удалось (как он считал) покорить «темную и невежественную» Россию, потомок «просвещенных» английских аристократов собирался по-своему распорядиться ее государственным строем, ее образом жизни, ее положением в мире. Черчилль предназначал ей судьбу слабого и зависимого колониального вассала Великобритании, но с соблюдением тех призрачных законодательных норм, которыми так привык жонглировать «цивилизованный» империалистический Запад.

17 октября Черчилль отправил «секретную и личную» телеграмму Юденичу с поздравлением по поводу «заметных успехов в начавшемся наступлении». В телеграмме перечислялись военные материалы, которые английское военное министерство «крайне срочно» готовило к отправке Юденичу: танки, аэропланы, винтовки и снаряжение для 20 тыс. человек, зимнее обмундирование, 20 тяжелых артиллерийских орудий с запасом снарядов к каждому в 3 тыс. штук, 16 гаубиц с 3 тыс. снарядов к ним. Большая часть этого снаряжения, как сообщалось

в телеграмме, будет доставлена на пароходе «Кассель» в Ревель. На нем же придут 400 русских офицеров из Ньюмаркетского лагеря. В тот же день Черчилль писал лорду Керзону: «Если Петроград будет взят, то благодаря нашим военным поставкам и при помощи британского флота».

В этот тяжелый для Советской Республики час английские интервенты шли в одной шеренге с белогвардейцами на всех фронтах гражданской войны. Генерал Нокс оставался с Колчаком в Сибири. Генерал Хольман находился в ставке Деникина. 47-й эскадрон английской авиации активно участвовал в наступлении на Москву. Отряды английской морской пехоты, высаженные на берег Финского залива, поддерживали атаку Юденича на Петроград. На всех трех фронтах действовали английские военные советники и офицеры. Все белые армии были экипированы английским снаряжением и обмундированием, снабжены английским оружием.

20 октября Черчилль согласовал с начальником Генерального штаба г. Вильсоном кандидатуру члена высшего британского генералитета, которого они собирались в ближайшие дни направить в Россию «для вступления в Петроград». Выбор пал на генерала Ричарда Хэйкинга. На следующий день военный министр составил для него подробный «Набросок инструкций» по руководству генералом Юденичем в первое время после захвата Петрограда. В этом документе определялось, как Юденичу вести себя в отношении Прибалтийских государств, как организовать публичные суды над «большевистскими преступниками» и т. п. Черчилль предупреждал, что Юденич ни в коем случае не должен открыто провозглашать установление в городе военной диктатуры, что ему следует «обставлять свои действия возможно большей видимостью опоры на конституционные начала». Хозяева спешили обучить своего подручного тонкостям английского политического лицемерия.

Но в тот самый день, когда Черчилль сочинял свои наставления на случай взятия Петрограда, части Красной Армии начали стремительную атаку против войск Юденича. Вскоре белогвардейцы потерпели здесь сокрушительное поражение. К этому времени обстановка на всех фронтах гражданской войны резко изменилась: дали себя знать энергичные меры, принятые Коммунистической партией, В. И. Лениным для спасения Советской Республики. 20 октября был освобожден от деникинцев

Орел, 24-го — Воронеж. 22 октября колчаковцы были выбиты из Тобольска, 30-го — из Петропавловска. Под ударами Красной Армии белогвардейские войска откатывались все дальше и дальше.

«Уинстон в большом унынии по поводу России, — 7 ноября записал в своем дневнике Г. Вильсон, — поскольку Колчак вот-вот потеряет Омск, а Юденич отступает...». Однако приунывший военный министр не складывал оружия. Он продолжал с еще большим ожесточением клеветать на Советское правительство в парламенте, уговаривал Ллойд Джорджа, распространял среди членов кабинета длиннейшие меморандумы, требуя срочных активных действий в поддержку белогвардейцев и обращения за помощью к Финляндии, Румынии, Японии, США. 19 ноября Черчилль телеграфировал генералу Хольману, настаивая на необходимости как можно скорее начать переговоры с Советским правительством и, если возможно, прийти к соглашению. Как отмечалось в телеграмме, оно «позволит по крайней мере спасти от разрушения большую часть России». Эти слова были написаны Черчиллем вместо других, которые он вычеркнул, но они поддаются прочтению в архивном черновике телеграммы: соглашение «позволит, может быть, возобновить впоследствии борьбу при более благоприятных условиях». Вот зачем нужна была Черчиллю договоренность с Советским правительством. Кстати, такая договоренность теперь оказывалась, по его мнению, вполне приемлемой для «цивилизованного» общества!

Не желая смириться с поражением Деникина, Черчилль лихорадочно пытался поддержать его дух, подбодрить, стимулировать волю к борьбе. 11 декабря он отправил Деникину телеграмму в тысячу слов. В ней сообщалось, что в Россию уже отправлена в счет обещанных поставок «масса военных материалов, которых хватит на три-четыре месяца», а в дальнейшем можно будет «покупать у меня снаряжение по самым низким ценам» или получать его в обмен на сырье. Черчилль убеждал Деникина, что главная цель сейчас — достичь соглашения против большевиков с Польшей, Финляндией и Прибалтийскими странами. В связи с этим он настойчиво советовал отбросить всякие предубеждения и войти в контакт с Борисом Савинковым, пытавшимся его наладить. «У нас с Савинковым было много долгих бесед, и он произвел на меня большое впечатление, — говорилось в телеграмме. — Он был со мной

у мистера Ллойд Джорджа и обратился к нему с сильнейшим воззванием от имени России, которое оказало на премьер-министра серьезное воздействие. Он, безусловно, деловой человек». (Впоследствии в другой связи Черчилль подчеркивал, что они с Ллойд Джорджем ценят Савинкова «больше всех других антибольшевиков в России и больше, чем всех их, вместе взятых»). Черчилль обещал Деникину попытаться достичь договоренности о совместных действиях против большевиков между Ллойд Джорджем и приехавшим в Лондон Клемансо. Он действительно на следующий же день в резиденции Ллойд Джорджа убеждал обоих премьер-министров предпринять срочные меры по оказанию помощи белой армии. Но неизбежное поражение Деникина было для них слишком очевидно.

Разгром белогвардейских войск продолжался. 27 декабря английским военным министерством была получена телеграмма от Деникина с мольбой о помощи. Начальник Генерального штаба Г. Вильсон записал в связи с этим в дневнике: «Деникин утверждает, что сражается за наше дело, и так оно и есть». 10 января 1920 г. с личным письмом к Черчиллю обратился Юденич. Он сообщал, что ввиду перемирия, заключенного Эстонией с Советским правительством, Северо-Западная армия не может оставаться на эстонской земле. «В нашей беспримерной борьбе вы доказали, что являетесь искренним и открытым другом белой России», — писал Юденич и просил Черчилля прислать английские суда, чтобы переправить войска на помощь Деникину. Но Черчилль был бессилён откликнуться на эту просьбу. «Не вижу, что тут можно сделать», — написал он на обороте письма Юденича. В «личной и секретной» телеграмме генералу Хольману он вновь советовал Деникину добиваться перемирия: «Я не вижу никаких шансов на победу. С Колчаком и Юденичем покончено... Английское правительство не сделает больше ничего... Даже если Деникин продержится еще несколько месяцев, что это даст? Большевики сплотят против него все свои силы, и полное уничтожение будет единственным результатом».

14 января Черчилль был вынужден сообщить правительству о неминуемом поражении Деникина. Тогда же было принято решение послать в Новороссийск «не менее двух пароходов», чтобы обеспечить эвакуацию английской военной миссии и «некоторого числа дружественных беженцев, которым возможно будет помочь покинуть Россию».

Для организации эвакуации из Новороссийска в качестве высокого комиссара на юг России был послан Хэлфорд Маккиндер²⁰. «Настоящий иноземец, решающий судьбу низшей расы», — писала о нем в дневнике находившаяся в те дни в Новороссийске А. В. Тыркова. На эвакуационном пункте, с горечью отмечала она, «англичане — хозяева, а русские вроде слуг». Церемониться с белоэмигрантами было незачем: для английских интервентов они уже не представляли никакого интереса.

Ллойд Джордж, находившийся в январе 1920 г. на мирной конференции в Париже, вызвал туда шесть своих министров (среди них и Черчилля) для обсуждения актуальных проблем государственной политики, в том числе и в отношении России. Несколько позже он рассказывал: «Когда мы совещались в Париже, Уинстон был страшно взволнован по поводу России. Я вынужден был держаться с ним очень твердо. Он был чрезвычайно настойчив и готов жертвовать людьми и деньгами». Деньгами — наверное, но что касается людей, то здесь английские интервенты были весьма и весьма экономны.

По официальным данным, опубликованным в Лондоне, из 2 тыс. англичан, находившихся на юге России, было убито в боях только шесть, на севере России — 194, на Балтике — 129, а всего на всех театрах гражданской войны в 1918–1920 гг. — 329 человек. За тот же период погибли миллионы русских людей. В России английские империалисты действовали теми же вероломными методами, что и при завоевании многочисленных колоний: добивались своего чужими руками, таскавшими для них «каштаны из огня».

Поставив крест на возможности справиться с Советской Республикой вооруженным путем, Ллойд Джордж взял курс на установление с ней торговых отношений. Начинаясь в 1920 г. в Англии экономический кризис обусловил усиленную заинтересованность английских капиталистов в торговле с Россией. Новая политика премьера привела Черчилля в крайнее возмущение. Присутствовавшая при его разговоре на эту тему с Ллойд Джорджем Фрэнсис Стивенсон записала в дневнике: решение о торговле с Россией «совершенно вывело Уинстона из себя, так как оно абсолютно и окончательно разрушает его надежды на продолжение войны на Востоке. Временами он кажется почти сумасшедшим...».

Несмотря на официально принятый английским правительством курс, Черчилль был готов поддержать любое антисоветское начинание. Встречавшийся с ним в Лондоне Савинков писал 1 марта 1920 г. Н. В. Чайковскому, находившемуся тогда у Деникина в Новороссийске: «Вы догадываетесь, конечно, что Черчилль всей душой с вами». Военный министр пытался, как мог, поддержать и преемника Деникина — генерала Врангеля: он отказался отозвать английскую военную миссию из Крыма и приказал базировавшимся там судам английского военного флота оказывать Врангелю помощь в защите Перекопа.

События, развернувшиеся в конце апреля, помогли Черчиллю несколько воспрянуть духом: армия буржуазно-помещичьей Польши, реорганизованная и оснащенная на средства империалистов США, Франции и Англии, начала массированное наступление против Советской Республики. Черчилль горячо надеялся, что белополяки смогут захватить и отторгнуть от России Украину. За эту надежду он ухватился как за важный аргумент против заключения торгового соглашения с РСФСР. В представленном 11 мая 1920 г. на рассмотрение кабинета специальном меморандуме по этому вопросу Черчилль вопрошал: «Не лучше ли подождать и посмотреть, какое правительство в конце концов станет обладателем будущего урожая главной житницы России — Украины?».

В тот же день на заседании парламента военному министру был задан вопрос: оказывает ли его министерство какую-либо поддержку или военную помощь полякам «в их аванюре?». «Нет», — не моргнув глазом солгал Черчилль. Между тем в лондонских доках уже стояло готовое к отплытию судно «Джолли Джордж», которое должно было доставить в Польшу вооружение и снаряжение.

Как известно, докеры, узнав, что груз предназначен для борьбы против Страны Советов, отказались производить погрузку. Несмотря на все усилия Черчилля, оружие и снаряжение так и не было отправлено в Польшу.

6 июня в поддержку белополяков по указке Антанты выступили войска Врангеля. Однако Красная Армия сумела отразить их натиск и перешла в наступление на польском фронте.

Военный министр бомбардировал членов правительства письмами и меморандумами, требуя активной помощи силам контрреволюции. «Смотрим ли мы вперед, — патетически вос-

клищал он, — задумываемся ли мы о том, что с нами будет, если Польша потерпит поражение от большевистских армий или если ее правительство падет в результате внутреннего большевистского переворота?».

Узнав об освобождении Красной Армией Минска, Черчилль настаивал на немедленном военном вмешательстве Англии, чтобы «укротить» советского «тигра». Он разразился большой статьей в «Ивнинг Ньюс» под названием «Опасность заразы с Востока», где с пеной у рта доказывал, какую «страшную угрозу» для Европы несет с собой победа Красной Армии над белопанской Польшей. В статье Черчилль возвращался все к той же идее — он призывал Германию подняться на бой «против несущегося с Востока потока красного варварства».

Когда в Лондоне стало известно, что части Красной армии готовятся к штурму Варшавы, Черчилль ринулся на Даунинг-стрит, 10, где Ллойд Джордж вел переговоры с Л. Б. Красиным. На этот раз настроения премьера и военного министра совпали. Из зала совещания Ллойд Джордж передал Черчиллю записку, в которой писал: я сказал Красину, что, «если они не остановятся, английский флот через три дня будет направлен в Балтийское море». Как только советская делегация покинула резиденцию премьер-министра, кабинет приступил к обсуждению предъявленного Ллойд Джорджем ультиматума. В своих мемуарах Черчилль описывал впоследствии, какие чувства владели при этом английскими правителями: они сознавали свое бессилие, понимали, что «все формы военного вмешательства по существу невозможны. Не оставалось ничего, кроме слов и жестов».

Возможно, такие ощущения мемуарист и испытывал задним числом, но в момент самих событий он развернул немалую активность. Военный министр организовал соответствующую кампанию в прессе (например, газета «Тайме» призывала нацию «к такой же сплоченности и мужеству, с каким мы встречали мировой кризис 1914 г.»), готовил срочную военную помощь Врангелю. В телеграмме военному представителю Англии в Константинополе генералу Милну он сообщал, что «политическая ситуация с большевистской Россией» становится критической и, «возможно, мы возобновим нашу помощь Врангелю самым энергичным образом... Вам следует сделать необходимые приготовления, включая организацию миссии, отправку оружия,

снаряжения и военных запасов... Вероятно, будет дана санкция на помощь Врангелю английской авиации».

Советское правительство не отступило перед угрозами. Наступление Красной Армии в Польше продолжалось. Однако предъявленный английскими правителями ультиматум вызвал совершенно непредвиденную бурную реакцию внутри самой Англии: ее рабочий класс в едином порыве выступил на защиту Советской Республики. На многочисленных собраниях, митингах и демонстрациях трудящиеся протестовали против антисоветской политики правительства и требовали от лейбористской партии и тред-юнионов энергичных действий против возможной англо-советской войны. В борьбу активно включилась только что возникшая Коммунистическая партия Великобритании. Созванная 13 августа общеанглийская рабочая конференция приняла решение добиться, прибегнув в случае необходимости ко всеобщей стачке, ликвидации угрозы войны против Советской России, признания ее правительства и установления между двумя странами нормальных торговых и экономических отношений.

Правительство Ллойд Джорджа поняло, что играет с огнем, и пошло на попятную. Под давлением общественного мнения оно было вынуждено уведомить Польшу, что не сможет ничего предпринять в ее поддержку. Это было крупнейшей победой английского рабочего класса, высшей точкой движения под лозунгом «Руки прочь от Советской России».

Такое неожиданное развитие событий повергло Черчилля в уныние. Когда спустя полтора месяца Савинков через генерала Марша просил его обеспечить английскими военными материалами очередную замышляемую против РСФСР диверсию, Черчилль поручил Маршу передать в ответ следующее: «Я не могу помочь в этом деле, так как обязан следовать политическому курсу, принятому правительством. Но пусть господин Савинков не считает, что мои личные чувства к нему стали менее сердечными или что моя заинтересованность в его деле хоть сколько-нибудь ослабела. Однако я связан решениями моего правительства, частью которого я являюсь».

Тем не менее в частном порядке Черчилль продолжал поддерживать Савинкова, утверждая, что в его военных предприятиях «есть глубокий смысл». В представленном кабинету специальным меморандуме по русской политике военный министр под-

черкивал, что все, кто борется против большевиков, «приносят нам огромнейшую пользу». Теперь, после окончания войны с Польшей, Красная Армия «сосредоточится на Врангеле», прогнозировал Черчилль, а добив его, займется английскими войсками в Северной Персии и вообще на Востоке. Он вновь и вновь призывал поддержать Врангеля и немедленно прервать переговоры с Советским правительством.

Но коллеги Черчилля по кабинету не осмелились внять его призывам, предпочли пожертвовать эмоциями и руководствоваться здравым смыслом. Они сознавали, что Советская Россия завоевывает в Англии все больший и больший авторитет, что ряды ее сторонников растут, охватывая самые широкие слои общества. История любит парадоксы: в числе этих сторонников оказались даже близкие родственники самого Черчилля. Его двоюродная сестра, скульптор Клэр Шеридан, осенью 1920 г. приехала в Москву, чтобы вылепить бюст Владимира Ильича Ленина. Когда Черчилль узнал о «предательнице» в лоне собственной семьи, он пришел в бешенство и поклялся, что отныне не скажет кузине ни слова. Свою клятву он сдержал — об этом рассказано в автобиографической книге Клэр Шеридан²¹ «Голая правда».

В ноябре 1920 г. армия Врангеля была разгромлена. Крым стал советским. 16 ноября из Севастополя отплыли последние суда, увозившие остатки белогвардейских войск в Константинополь. А уже 17 ноября на заседании английского кабинета на Даунинг-стрит был поставлен на обсуждение вопрос о торговле с Советской Россией.

Перед началом заседания Черчилль распространил между членами кабинета меморандум с протестом против установления нормальных отношений между Англией и РСФСР. «Я не понимаю, — возмущался военный министр, — почему такая монархическая страна, как наша, с правительством, основывающимся на широком консервативном большинстве в парламенте, должна вопреки своей природе прощать все, что произошло в России, и перед лицом всего мира демонстрировать моральную поддержку этому противозаконному режиму?!». Но правительство Англии было вынуждено считаться с мнением рабочего класса, да и Сити заняло здесь твердую позицию. В октябре 1920 г. известный либеральный журналист А. Каммингс писал: «Я не встретил ни одного промышленника... который

не хотел бы начать деловые отношения с Россией. Многие высказывали свое недовольство — подчас в очень красочных выражениях — по поводу того, что правительство препятствует этому».

Большинство участвовавших в заседании 16 ноября членов кабинета не согласилось с аргументами Черчилля. Принятие окончательного решения было отложено на следующий день. Черчилль перед концом заседания написал записку лорду Биркенхеду: если будет решено торговать с Россией, он подаст в отставку. На следующий день военный министр продолжил борьбу. «Неистовое наступление Черчилля против соглашения», — записал в дневнике Морис Хэнки. Однако кабинет большинством голосов (против четырех: лорда Керзона, лорда Мильнера, Черчилля и У. Лонга) принял положительное решение. «Черчилль был так расстроен, — отмечал Хэнки, — что не мог участвовать в обсуждении других вопросов... Он был страшно бледен и не вымолвил ни слова до конца заседания».

Однако, как только заседание кончилось, военный министр потребовал занести в протокол, что каждый член кабинета имеет право на публичные выступления против большевиков. Это требование было удовлетворено. В тот же вечер Черчилль отправился в Оксфорд и разразился там бешеной антисоветской речью. В ней было все — ненависть, безумная злоба от осознания полного провала, от ощущения своего бессилия. Он закончил словами: «Я всегда буду защищать политику, направленную на свержение и уничтожение» Советского правительства.

Уроки империалистической интервенции в Советскую Россию в высшей степени актуальны и в наши дни. Главный из них состоит в том, что интервентам не удалось достигнуть своих целей: предприняв крестовый поход против социализма, они потерпели сокрушительное, позорное поражение.

Однако, как это часто бывает, политики, одержимые классово-ненавистью, оказываются неспособными учитывать уроки истории. В 1946 г. в Фултоне Черчилль и Трумэн, напуганные ростом мирового авторитета СССР, пытались помешать борьбе народов за свое социальное и национальное освобождение, объявили новый «крестовый поход» против сил мира и прогресса. Но и этот поход с треском провалился. Возникло и стало мощным фактором международной жизни содружество социалисти-

ческих стран, а на развалинах бывших колониальных империй образовались десятки независимых государств.

И в наши дни некоторые западные политики провозглашают очередной «крестовый поход» против Советского Союза, против стран социалистического содружества, против мирового революционного и национально-освободительного движения с целью повернуть историю вспять. Ставить в наши дни подобные цели могут лишь те, кто полностью пренебрегает законами человеческого общества, игнорирует уроки прошлого. О том, чем кончаются подобные авантюры, напоминает эта статья.

